

Михаил Ланской

Приключения Маши и ее друзей

Михаил Ланской

Приключения Маши и ее друзей

«Автор»

2026

Ланской М.

Приключения Маши и ее друзей / М. Ланской — «Автор», 2026

Тёплая и светлая история о первом школьном годе семилетней Маши. Это сборник рассказов о том, как превратить страх перед красной ручкой учителя в азарт первооткрывателя: подружиться с капризными буквами, пережить первую тройку, получить заветную пятерку за диктант и даже поставить на школьной сцене настоящий спектакль с фехтованием на шпагах из гладильной доски. Искренний рассказ о детстве, где запах мандаринов смешивается со скрипом снега, а рядом всегда есть папа-капитан, мудрая мама и верные друзья, готовые разделить пополам любое яблоко и любой испуг.

© Ланской М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Перед Новым годом	5
Новый год	7
Что такое школа?	9
Про школу	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Ланской

Приключения Маши и ее друзей

Перед Новым годом

За окном кружился такой густой снег, что старый тополь во дворе превратился в пушистое привидение. До Нового года оставалось три дня, и вся квартира Маши пахла хвоей, мандаринами и ожиданием чуда.

Главным чудом этого вечера была коробка с елочными игрушками. Она стояла на столе — картонная, перевязанная бечевкой, потертая по углам до рыжего картона. Дедушка говорил, что этой коробке столько же лет, сколько самой Маше, но девочка знала секрет: она была старше их обоих вместе взятых.

Мама ушла за горячим шоколадом, оставив дочку наедине с сокровищами. Маша осторожно откинула крышку. Внутри, переложенные ватой, спали стеклянные жители.

Первым из коробки появился космонавт. Его скафандр облупился от времени, а стекло пожелтело, но он все равно гордо держал в руках серебряную звезду. За ним последовала целая стая совушек, у одной из которых не хватало одного приклеенного страстика-глаза. Маша погладит его пальцем. «Ничего, — прошептала она. — Мы сделаем тебе глазик из золотой фольги, будешь самый модный».

Но королевой коробки всегда была Снегурочка. Настоящая, довоенная, как уверяла бабушка. Ее фарфоровое личико было чуть желтоватым, голубая шубка потускнела, а крошечная корона на голове потеряла один зубец. Но глаза Снегурочки — две синие бусинки — смотрели так ласково, что казалось, вот-вот моргнут.

— В этом году ты будешь висеть ровно посередине, — строго сказала ей Маша. — Чтобы всем тебя было видно.

Девочка взяла самую длинную нитку, встала на табуретку (под чутким присмотром вернувшейся мамы) и аккуратно повесила Снегурочку на макушку пушистой ели. Игрушка качнулась, поймала свет гирлянды и вдруг вспыхнула таким нежным, жемчужным светом, словно внутри нее зажегся маленький фонарик.

Следующие полчаса они с мамой развешивали остальных жителей коробки. Космонавт отправился покорять ветку рядом с красным шаром, совы расселись под самой звездой, а между ними мама спрятала конфеты в блестящих фантиках.

Когда последняя лампочка на гирлянде заняла свое место, папа выключил верхний свет. Комната утонула в медовом полумраке. Огоньки мигали красными, зелеными и синими искорками, отражаясь в темном окне, за которым продолжал вальсировать снег.

Маша прижалась носом к холодному стеклу. На улице ни души, только снежинки медленно опускались на землю, укрывая город толстым пуховым одеялом.

— Как думаешь, Дед Мороз увидит нашу елку? — спросила она, зарываясь лицом в мамин махровый халат.

— Конечно, — улыбнулась мама, целуя ее в макушку. — У него же волшебное зрение. Он уже наверняка видит, какая у нас тут красота. И знает, что здесь живет самая лучшая помощница на свете.

Папа подошел сзади и сгреб обеих в теплые объятия. От них пахло морозом и кофе.

— А еще он точно знает, — добавил папа шепотом, чтобы не спугнуть сказку, — что если оставить для него на подоконнике самое вкусное печенье и стакан молока, то утром там обязательно появится чудо.

Маша счастливо вздохнула. Ей совсем не хотелось шоколада или новых кукол. Главным подарком был этот вечер: тихий, теплый, пахнувший домом. Она смотрела на свою Снегурочку, которая теперь казалась живой, и думала, что счастье — это когда твоя старая, немного щербатая игрушка светится ярче всех самых дорогих шаров в мире.

За окном падал снег, обещая настоящую зиму. Впереди были еще два дня суеты, беготни по магазинам и нарезания салатов, но главное чудо уже случилось прямо сейчас — оно тихо сидело в комнате, дышало в унисон и пахло мандаринами.

Новый год

Тридцать первое декабря обрушилось на квартиру шумом, суетой и ароматом запеченной утки с яблоками. Папа с утра колдовал на кухне, звеня ножами, а мама превратилась в генерала праздничного фронта: она командовала передвижением стульев, протирала бокалы до состояния бриллиантового блеска и строго следила за тем, чтобы Маша не съела все мандарины раньше времени.

Сама же девочка была назначена хранительницей елки. Это была самая ответственная должность в доме.

— Смотри, — инструктировала ее мама, поправляя Машину корону из мишуры, которая то и дело сползала на глаза. — Если кто-то из гостей захочет подвинуть космонавта или потрогать Снегурочку, ты должна сделать строгие глаза. Как у меня.

Маша старательно нахмурила брови. Космонавт со своей фольгированным глазом сиял как новенький, а Снегурочка в центре ели казалась настоящей ледяной принцессой, присматривающей за порядком.

К семи часам начали съезжаться гости. Пришла тетя Лена с огромной кастрюлей оливье, дядя Витя принес гитару, от которой пахло канифолью, и бабушка Валя, чей пушистый воротник шубы был весь усыпан тающими снежинками. Квартира сразу стала тесной, громкой и невероятно уютной. Взрослые смеялись так громко, что дрожали подвески на люстре, а телевизор бубнил голосом президента что-то важное и доброе.

Маша чувствовала себя немного потерянной среди этих больших людей. Она взяла свою любимую фарфоровую чашку с отколотым краешком, налила туда яблочного сока и села прямо на пол, прижавшись спиной к теплой батарее. Отсюда, снизу, елка выглядела совсем иначе. Она уходила макушкой прямо в потолок, превращаясь в волшебный лес, где жили крошечные тени. Гирлянда отбрасывала на потолок разноцветных зайцев, которые прыгали по обоям в цветочек.

Внезапно батарея под ней вздрогнула, фыркнула паром и затихла. В комнате повисла странная тишина. Все замерли с поднятыми вилками.

Бом-м-м! — тяжело ударили часы на старой ратуше, которую было видно из окна. Раз. Маша затаила дыхание. Бом-м-м! Два. Папа незаметно подмигнул ей через головы гостей. Бом-м-м! Три. Тетя Лена перестала смеяться и вытерла салфеткой выступившую слезу умиления. Бом-м-м! Четыре. Дядя Витя крепче сжал гриф гитары. Бом-м-м! Пять. Бабушка Валя перекрестилась. Бом-м-м! Шесть. Мама крепко сжала Машино плечо. Бом-м-м! Семь. Бом-м-м! Восемь. Бом-м-м! Девять. Бом-м-м! Десять. Бом-м-м! Одиннадцать.

И тут случилось непредвиденное. От волнения рука Маши дрогнула. Ее сок совершил красивый, но трагический полет. Золотистая лужица медленно выплеснулась из чашки и приземлилась точно на край маминого нового кремового платья.

Время для Маши остановилось. Сейчас начнется самое страшное. Выговор. Слезы. Испорченный праздник. Девочка зажмурилась изо всех сил, готовясь провалиться сквозь паркет прямо к соседям вниз.

Но вместо строгого голоса раздался тихий папин смех. — Кажется, платью попросило добавки, — сказал он, доставая из кармана брюк носовой платок.

Мама опустилась на колени рядом с дочкой, ни капельки не сердясь. Ее глаза блестели даже ярче стеклянных совушек. — Тише-тише, моя помощница, — прошептала она, промокая пятно. — Оно просто захотело стать такого же цвета, как твой солнечный сок. Теперь это эксклюзивная модель «Янтарная ночь».

Напряжение лопнуло, как мыльный пузырь. Дядя Витя снова захохотал басом, тетя Лена бросилась спасать скатерть, и комната опять наполнилась жизнью.

Бом-м-м! Двенадцать!

— Ура! — закричали все хором.

Взрослые потянулись друг к другу с бокалами, наполненными пузырьчатым лимонадом для детей и чем-то золотистым и взрослым для них. Зазвенел хрусталь.

А потом папа взял гитару. Он тронул струны, и квартира вдруг стала похожа на старую новогоднюю открытку. Они пели про пять минут, про три белых коня и про то, что снег кружится. Мама посадила Машу себе на плечи, и теперь девочка оказалась выше всех — почти на уровне верхушки елки. Она смотрела сверху на родные лица, подсвеченные теплым золотом гирлянд, и думала, что взрослые плачут в Новый год вовсе не от горя. Просто их сердца становятся слишком большими для груди и пытаются обнять сразу всех.

Когда песня закончилась, папа подошел к окну и распахнул форточку. В комнату ворвался морозный воздух, мгновенно лизнув щеки холодом. Залетел один-единственный огромный снежок и мягко упал на подоконник, оставив идеальный ровный круг.

— Успел! — ахнула Маша. — Дед Мороз пролетал мимо и заглянул проверить наше печенье!

На блюде возле остывающей батареи лежало нетронутое овсяное печенье, которое они оставили перед сном, и стоял стакан молока, над которым поднимался легкий пар. Рядом, придавленный камушком, белел сложенный вчетверо листок.

Маша осторожно развернула его. На бумаге плясали крупные, чуть кривоватые буквы, выведенные явно впопыхах: *«Машенька, спасибо за самую красивую Снегурочку во всем районе. Утку папа запек божественно, но соли в следующий раз можно класть чуть меньше. Твой Д.М.»*

Девочка счастливо рассмеялась и показала записку маме. Та сделала круглые глаза и театрально зашептала на ухо: — Видишь? Я же говорила, что у него волшебное зрение. А насчет соли мы ему ничего не скажем, правда? Пусть это будет наш маленький секрет.

За окном взрывались невидимые отсюда петарды, небо расцветало зелеными и алыми вспышками. Но самым ярким светом в этой квартире были не огни салюта. Им были улыбки родных людей, запах мандариновых корок на столе и теплое чувство абсолютной безопасности.

Маша сидела на коленях у папы, грызла шоколадную конфету без фантика и смотрела на свою Снегурочку. Корона на голове игрушки загадочно мерцала. Где-то там, высоко в небе, между заснеженными крышами, настоящий Дед Мороз, наверное, тоже улыбался, глядя на этот островок света. И это значило, что наступивший год обязательно будет добрым.

Что такое школа?

Январь укутал город в такие глубокие сугробы, что Машин двор превратился в сказочную Лапландию. Горка превратилась в ледяную гору до самых нижних веток тополя, а песочница стала крепостью с ровными белыми стенами.

Маша лепила самого главного снеговика во вселенной. У него было три кома: нижний — пузатый и тяжелый, средний — солидный, а голова — маленькая, похожая на пушистый снежок. Вместо носа Маша воткнула ему настоящую морковку, которую тайком утащила из холодильника для борща. Нос получился немного кривоватым и смотрел вбок, придавая снеговiku хулиганский вид.

— Ты будешь Снежным Королем, — сообщила ему девочка, утрамбовывая варежкой его бока. — И мы будем править этой площадкой вместе.

Рядом скрипнул снег. На соседнюю скамейку тяжело опустилась тетенька в огромной лисьей шапке, которая делала ее похожей на ходячую рыжую кляксу. Она шумно выдохнула облачко пара и поставила рядом сумку, из которой торчал уголок красной папки. С ней была девочка примерно Машина, но какая-то непривычно серьезная. На ней не было смешной цигейковой шубки или мохнатой шапки-ушанки с тесемками. Ее синяя курточка сидела идеально прямо, а русые волосы были заплетены в две тугие косички с огромными капроновыми бантами, которые торчали в стороны, как пропеллеры.

Девочка достала из кармана горсть липкого снега и начала катать шарик, делая это так сосредоточенно, будто решала сложнейшую математическую задачу.

— Привет! — громко сказала Маша, подходя ближе. — Тебя как зовут? А почему у тебя банты гудят?

Девочка вздрогнула и обернулась. Глаза у нее оказались очень большими и испуганными. — Меня зовут Лиза, — тихо ответила она. — Банты не гудят. Это ветер. — А меня Маша. Я делаю Короля. Хочешь помогать? Ему нужна метла. — Я не могу, — Лиза покосилась на свою спутницу в рыжей шапке. — Мне нужно тренироваться. Мама говорит, если я сегодня не научусь правильно держать карандаш тремя пальцами, завтра Маргарита Степановна поставит мне двойку.

Маша нахмурилась. Про «три пальца» она знала — мама тоже заставляла так ложку держать. Но остальные слова звучали как заклинания из страшной сказки. — Кто такая Маргарита Степановна? — шепотом спросила Маша. — Она баба Яга? Лиза посмотрела на Машу с такой вселенской тоской, что той стало зябко даже в толстых рейтузах. — Она хуже. Она учительница. Мы вчера ходили на подготовку. В школу.

Слово ударило по воздуху, как тяжелая льдинка. Школа. Маша слышала его от папы. Он говорил, что ходит туда работать, считать какие-то скучные цифры и пить чай из пластикового стаканчика. Звучало не страшно, но ужасно уныло.

— Там заставляют сидеть смирно сорок минут подряд, — продолжала Лиза трагическим голосом, роняя свой недолепленный снежок. — Нельзя бегать. Если хочешь выйти... ну, попить водички, нужно поднимать руку вверх и ждать, пока тебе кивнут. А еще там есть доска, черная и огромная, как вход в пещеру дракона. И если ты нарисуешь палочку криво, все будут смотреть на тебя. И звенит звонок, громкий-громкий, от которого уши закладывает. Как пожарная машина, только без воды.

Маша подошла к своей крепости-песочнице и крепко обняла деревянную лопатку. Сорок минут без бега? Поднимать руку, чтобы просто попить? Черная пещера доски? Это звучало гораздо страшнее, чем поход к зубному врачу, куда ее водили осенью. По крайней мере, после врача давали чупа-чупс. А за кривые палочки, судя по лицу Лизы, ничего хорошего не давали.

— А домой когда? — пискнула Маша. — Только вечером! — всплеснула руками Лиза. — И потом еще уроки делать. Писать крючочки в тонких тетрадках с зеленой обложкой. Мама купила их целый блок. Они лежат на столе и смотрят на меня. Они уже знают, что я буду плакать над буквой «А».

Тетенька в лисьей шапке наконец заметила манипуляции дочери. — Лиза, перестань пугать ребенка! — строго сказала она. — Маша, не слушай ее. Школа — это прекрасно. Там новые друзья, знания...

Но Маша уже не смотрела на взрослых. Она перевела взгляд на своего Снежного Короля. Его кривая морковка больше не казалась ей забавной. Теперь она выглядела как нос какого-то грустного пленника. Править этой площадкой вечно им со снеговиком не удастся. Где-то там, за углом дома, стояли эти зеленые тетрадки и ждали свою жертву.

Лизу позвали обедать борщом и котлетами. Она ушла, смешно загребая валенками снег, и один раз оглянулась на Машу с таким видом, словно прощалась с вольной жизнью перед отправкой на каторгу.

Когда они скрылись в подъезде, Маша вернулась к своему снеговiku. Она вытащила из его головы морковку. Без носа Король стал выглядеть совсем беспомощным. Девочка понюхала замерзший овощ. Пахло морозом и неминуемой бедой.

Она размахнулась и забросила морковку далеко в сугроб, где спал старый вороной джип соседа. Пусть Снежный Король останется здесь, на площадке. Он хотя бы не знает, что такое школа.

А потом Маша пошла домой. Ноги в тяжелых зимних сапогах стали вдруг ватными. Она вошла в квартиру, сбросила колючий комбинезон и молча прошла мимо мамы, которая весело напевала на кухне.

— Что случилось, кнопка? Устала? — окликнула ее мама.

Маша остановилась в коридоре, задрала голову и посмотрела маме прямо в глаза. Взгляд у нее был взрослый, серьезный и бесконечно печальный.

— Мам, — произнесла она глухим голосом, от которого у любой матери похолодело бы сердце. — Скажи честно... эта школа... она очень больно кусается? Мамы других детей говорят, что оттуда не возвращаются прежними. Нам обязательно туда идти?

Мама вытерла руки о полотенце, присела перед дочкой на корточки и долго-долго молчала, разглядывая ее зардевшиеся от мороза щеки. А потом крепко-крепко прижала к себе, пряча улыбку в ее растрепанных волосах.

— Обязательно, моя хорошая, — прошептала она. — Но обещаю, мы выберем самую добрую пещеру дракона. И купим тебе пенал с блестками, который будет отвлекать внимание от кривых палочек. А если станет совсем немого, мы просто заболеем. Симулировать ангину ради спасения от буквы «А» — это законное право каждого первоклассника.

Про школу

Вечером, когда за окном окончательно стемнело и дворник дядя Коля вышел скалывать лед с тротуара, Маша устроила штаб под обеденным столом. Она накрыла его старым пледом, оставив только узкую щель для света, притащила туда свою самую верную компанию — потрепанного зайца Степку и ту самую фарфоровую Снегурочку в коробочке (для моральной поддержки) — и стала ждать.

Первым пришел папа. Он шумно топал ногами в коридоре, сбивая снег с ботинок, пах морозом, бензином и свободой.

— Пап! — пискнула Маша из-под стола, отодвигая край пледа. — Залезай ко мне. У меня тут секретный бункер.

Папа кряхтя опустился на четвереньки. В темноте под столом он казался огромным добрым медведем. Его коленки упирались в столешницу, а макушка почти касалась скатерти. — Ого, — сказал папа, принимаясь. — Пахнет пылью и заговорами. Что случилось? Наш космический корабль разбился?

Маша высунула нос из-под пледа. Космического корабля у нее не было, но беда была пострашнее. — Папа, Лиза со скамейки сказала, что школа кусается. Это правда?

Папа замер, а потом тихо затрясся от смеха так, что стол задрожал. — Лизавета-болтушка, — пробормотал он, вытирая выступившие слезы. — Нет, кнопка. Зубы у школы давно выпали. Там остались только старые добрые бабушки-зубрилки, которые вечно теряют мел. Никто тебя там грызть не будет. А что еще страшного рассказала Лиза?

— Что нельзя бегать. И руку надо поднимать. И черная доска... она как пещера! Папа перестал смеяться и стал очень серьезным. Он поправил очки, съехавшие на нос. — Понимаешь, Машутка, — начал он тихим голосом, словно делясь государственной тайной. — Школа — это такая специальная база по производству взрослых людей. Когда человек маленький, ему можно есть суп руками и спать днем в трусах с машинками. Но чтобы управлять настоящим звездолетом или лечить настоящих динозавров, нужно стать взрослым. А взрослые люди умеют договариваться друг с другом. Поднятая рука — это просто пароль. Ты говоришь: «Уважаемый капитан учитель, я знаю ответ» или «Мне нужен дозাপравочный стакан воды». Это правила игры. Без них начнется хаос, все будут кричать одновременно, и никто ничего не узнает про планеты Сатурн и Юпитер. Разве тебе самой не интересно, почему Луна не падает?

Маша задумалась. Про Луну ей было очень интересно. Но перспектива сидеть без бега ее все еще пугала. — А тетрадки? — спросила она жалобно. — Зеленые? Лиза говорит, они смотрят.

— Тетрадки — предатели, это факт, — авторитетно кивнул папа. — Особенно если капнуть на них какао. Но мы купим тебе такие красивые ручки, что тетради забудут о своей вредности. Договорились?

Маша немного успокоилась, но решила провести допрос до конца. Бункер пришлось покинуть, потому что пришла мама с тарелкой сырников. Они были горячими, политыми сметаной, и пахли спасением. Мама села рядом прямо на пол, забыв про свой взрослый статус.

— Мам, — спросила Маша с набитым ртом, протягивая маме самый румяный уголок от сырника. — А ты боялась?

Мама взяла угощение, благодарно потерлась носом о Машину макушку и надолго замолчала. Она смотрела куда-то сквозь стену, и глаза у нее стали чуть влажными, как бывает, когда смотришь на старые фотографии. — Я боялась больше всех на свете, — наконец призналась она. — Мне казалось, что я пойду в класс, а там сидят шпионы. Все уже всё знают, одна я глупая. На самом первом уроке математики я так испугалась цифры «9», что описалась прямо на стул. Представляешь? Цифра показалась мне злой змеей.

Маша ахнула и прижала ладошки к горящим щекам. Это было ужасно и почему-то очень смешно. — И тебя выгнали? — прошептала она. — Нет, — улыбнулась мама. — Учительница, Анна Петровна, сделала вид, что ничего не заметила. Она просто спокойно подошла, открыла окно, чтобы стало прохладнее, пересадил меня за другую парту, а после уроков дала мне конфету «Коровка» и погладила по голове. Сказала: «Ничего, Верочка, зато теперь парта точно твоя собственная». Самые строгие учителя всегда оказываются самыми добрыми внутри. Им просто положено хмурить брови, чтобы кто-нибудь случайно не взорвал кабинет химии.

— А если Маргарита Степановна окажется Бабой Ягой? — не сдавалась девочка.

— Тогда мы с папой придем в школу в костюмах Деда Мороза и Снегурочки прямо посреди мая, — твердо сказала мама. — Будем стоять у доски и читать стихи Агнии Барто, пока ей не станет стыдно. Но скорее всего, она просто любит детей. Моя первая учительница тоже сначала казалась строгой, а потом научила меня любить книги. Знаешь, в чем главный секрет школы?

— В зеленой тетрадке? — Нет. Главный секрет в том, что идешь туда не один. Мы будем каждое утро заплетать твои косички. Папа будет проверять, положила ли ты сменку. А когда прозвенит тот страшный звонок, и ты испугаешься пещеры-доски, ты просто посмотришь вбок. Рядом обязательно будет сидеть такой же напуганный человечек. Вы посмотрите друг на друга, покажете языки, и вам сразу станет легче. Страх делится пополам, понимаешь?

Маша посмотрела на маму, потом на папу. Папа кивнул, подтверждая мамины слова своим важным видом. Сырники закончились, но на душе вдруг стало тепло-тепло, даже теплее, чем от батареи.

Она слезла с маминого колена, подошла к подоконнику и взяла в руки свою стеклянную Снегурочку. Принесла ее родителям. — Ладно, — вздохнула Маша, прижимая игрушку к груди. — Пусть кусается. Только пообещайте, что будете встречать меня после этого звонка. Всегда-всегда. Даже если я сама стану взрослой шпионкой.

— До самой пенсии, — торжественно пообещал папа, отдавая честь. — Мы будем самыми медленными старичками во всем дворе, но дождемся тебя.

Мама обняла их обоих, сгребая в один большой теплый ком. За окном продолжал скрести лед дворник дядя Коля, луна действите

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.